

The background of the cover is a photograph of a tunnel. The tunnel is built with rough-hewn stone blocks and has a semi-circular cross-section. At the bottom of the tunnel, there is a narrow channel of water that reflects the light from the opening at the end. The lighting is dramatic, with the far end of the tunnel being very bright and the foreground being in deep shadow.

Виктор Довженко

Белые ГОНДОЛЫ

Дары Отступника

Виктор Довженко

Белые гондолы.

Дары Отступника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22812800

Аннотация

В доисторических подземных тоннелях, в наше время превращенных в водные транспортные каналы с гондолами, ночью проходят нелегальные гонки на аквабайках. Главный герой помогает девушке, участвующей в гонках, найти причину пугающих явлений в древних подземельях. Поиски приводят к высокотехнологичным устройствам древней культуры, попавшим в руки таинственным незнакомцам.

Содержание

Глава 1. Утро под землей	5
Глава 2. Канал в граните	9
Глава 3. Субботнее Озеро	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктор Довженко

Белые гондолы. Дары Отступника

роман

посвящается Матвею Сергееву

Где-то между Бискайским заливом и Японским морем,

ближе к концу 20 века

Глава 1. Утро под землей

Еще рано, и, хотя на работу мне еще очень не скоро, я уже подхожу к входу. Не прошел и ста метров, но ботинки сильно запылились, и глянец на них заметно потускнел. «Все мы маленькие тушканчики, мы живем в бархане», – лениво думаю я, разглядывая нежно розовеющие под первыми лучами солнца солидные горы и маленькие горки песка, подпирающие бетонные изгороди и дома. В штиль наш вечный песок скрипит под ногами, а при сильном ветре хрустит на зубах и заставляет приезжих, непривычных щуриться, долго тереть глаза. Красные каменные плиты, с черными и белыми змейками прожилок, ведут к голубеющему входу. И в черно-красную ночь, и в желтое утро голубоватые лампы уводят к всегда таинственной глубине, под песок и плиты, к Каналу.

Несколько десятков ступеней, и тишина становится совсем другой, не шуршащей и звенящей, а плещущейся и шепчущей. Я киваю в ответ пожилой женщине за окошечком кассы, уже привыкшей к моему раннему явлению. Если бы я пришел двумя часами позже, она, наверное, обиделась бы, как ребенок. По звонким мраморным ступеням я сбегая к платформе. От свежего воздуха Канала мне хочется чихнуть, это оглушает, как револьверный выстрел. Сильное течение приносит измятую пластиковую бутылку, она смотрится очень нелепо под монументальными хрустальными све-

тильниками в бронзовой оправе.

Вот на дальнем конце платформы появляется немолодой мужчина в голубовато-сером костюме. Видимо, еще не было ни одной лодки, и он неторопливо проходит к своему обычному месту, усаживается на скамью и достает газету.

Вскоре по стенам тоннеля, на который я смотрю в ожидании первой гондолы, начинают пробегать блики, и свет фонаря прерывает чтение стационарного служащего. Удивительно изящный светлый силуэт плавно выныривает из-под сводов тоннеля и приближается к месту остановки. На гондоле включаются винты, замедляющие скорость. Выдвинувшийся почти у самой воды барьер мягко сдерживает большую лодку и тихо останавливает напротив меня. Позади мест для пассажиров сидит девушка в форме, обычной для всех служащих Канала.

Мужчина открывает двустворчатые ажурные дверцы, равнодушно посматривая на меня. Я не двигаюсь, и девушка на корме, немного подождав, делает ему знак рукой. Закрыв створки, он освобождает гондолу от барьера, и лодка, быстро набрав скорость, исчезает в тоннеле, уводя за собой сотни мерцающих отсветов.

К месту посадки подходят ранние пассажиры. Двое военных, женщина с чемоданчиком на колесиках, подросток в наушниках. Они бодро переходят в подплывшую вслед за первой гондолу и усаживаются на вишневые с желтыми полосками сиденья. Я пропускаю это и еще два почти пустых суд-

на.

На очередном приближающемся пластиковом борту, позади эмблемы «Городского подземного транспортного Канала», я узнаю нужный мне номер «112». Радостно и гулко забарабанило сердце, до сих пор словно замершее, замедлившее свой ход, как у впавшего в спячку ежа. Вхожу один, всех ожидающих увезла предыдущая гондола. Я прохожу к корме, высокая темноволосая девушка, узнав меня, улыбается.

– Я пропустил целую дюжину лодок, ждал вас.

– А зачем?

Я неловко отвечаю, садясь недалеко от нее:

– А на вашей меньше укачивает.

Два круглых желтоватых кормовых фонаря в мягком сумраке тоннеля окрашивают ее вишневую форменную накидку в алый цвет. Девушка держит гондолу ровно посередине тоннеля, движения кисти, держащей руль, почти незаметны. Я пытаюсь найти подходящую тему для разговора, который, наконец, мог бы дать мне опору для более близкого знакомства. Этой опоры на мягко покачивающейся гондоле я снова и снова катастрофически не нахожу:

– Скажите, вы запоминаете людей, которых перевозите за день?

Она улыбается:

– Вас я, конечно, хорошо запомнила!

– А какие-нибудь необычные пассажиры встречаются?

– Бывает. Сумасшедшие ученые, говорящие сами с собой,

сектанты, говорящие с духами. Вот только инопланетян я пока не видела!

Течение выносит нас сквозь очередной завиток тоннеля к следующей станции. Заходит неопрятный молодой парень и устраивается, почти полулежа, на диванчике в носовой части. Мы влетаем в очередной раструб полированного гранита. В Канале практически нет длинных прямых отрезков пути, линии его тоннелей постоянно изгибаются то вправо, то влево. Из воды выпрыгивает небольшая рыбка, это слышно по всплеску в тишине.

– А сегодня вы, наконец, откроете мне вашу тайну?

– Какую?

– Ваше имя, конечно!

Она смеется:

– У нас на Канале и без этого тайн хватает!

Потом, спохватившись, громко объявляет:

– «Городской парк!»

Парень, до сих пор дремавший впереди, вскакивает и, похвалит упавшую сумку, выпрыгивает на платформу. Заходят люди, больше поговорить уже не получается. Я выхожу на следующей станции и поднимаюсь на такие же засыпанные песком, как и повсюду в городе, каменные плиты.

Глава 2. Канал в граните

Открытие грандиозной системы пробитых в практически сплошной скале тоннелей добавило к истории нашего города по разным подсчетам от двух до шести тысяч лет. Скромный научный городок, еще даже не отметивший своего столетия, получил в распоряжение прекрасно обработанные огромные пространства подземного мира, правда, затопленные и наполовину забитые глиной. Известие о том, что небольшое круглое озеро возле парка – центр глубокого котлована, от которого правильными лучами отходят строго параллельно земле длинные цилиндрические ходы, взбудоражило всех жителей от древней старушки до трехлетнего ребенка.

Своим открытием Канал обязан... ослу. Молодой крестьянин из далекой деревни далеким ранним утром привел ослика для продажи на городском рынке. Тот, с поклажей на спине, решил напиться воды в озерке, чтобы облегчить себе дальнейший путь. Будучи тяжело нагруженным и уставшим, он оступился на скользкой кромке берега и мгновенно исчез под водой, успев испустить лишь один гортанный крик. Его хозяин, присевший невдалеке на скамью отдохнуть, подбежал, громко бранясь, сбросил одежду и прыгнул за ним в глубину. Спасти животное ему, конечно, не удалось, но, разглядев ровные черные провалы тоннелей, окружавшие его в темной воде, испуганный парень не успокоился, пока не под-

нял на ноги половину спящего города.

Военные, археологи и, конечно же, «военные археологи» строительных батальонов срочной службы несколько месяцев очищали осушенную систему каналов от глины. Небольшая группа ученых мужей, разрешивших стоять у корней своих генеалогий парочкам хвостатых приматов, всерьез разрабатывала теорию «симметричного голого карста с одиночной центральной воронкой».

Масса ученого и неученого населения, горячо неодобрявшего эту «научную» точку зрения, быстро разделилась на два лагеря: сторонников теории инопланетян и приверженцев теории доисторической цивилизации. Пришельцы были значительно милее сердцам некоторых научных атеистов и, конечно, большинству подростков, более же спокойная, но не менее загадочная гипотеза о сонме неведомых гранитобурителей из глубины тысячелетий в городе преобладала. Поскольку ближайшее к нашему городу, подобное по масштабам, откопанное древнее поселение, принято относить к бронзовому веку, подземный лабиринт официальная археология зачислила примерно туда же, хотя характер обработки камня говорил непредвзятому исследователю о том, что медными или бронзовыми инструментами тут явно не работали. Но об этом немного позже.

Новооткрытому археологическому феномену совершенно безоговорочно было предназначено оказаться в ряду знаменитых и непонятых до сих пор рукотворных чудес, где-то

между различными только с воздуха геоглифами пустыни Наска на тихоокеанском побережье и громадными мегалитами Ближнего Востока.

Но на научной и туристической популярности открытых гранитных катакомб быстро поставили крест. Работа половины жителей города состоит в обслуживании военных полигонов и лабораторий, расположенных на обширных песчаных полях на десятки и сотни километров вокруг. Многие горожане на долгие годы стали «невыездными», многие дороги из города перегорожены шлагбаумами. Стратегическая значимость и секретность района чуть было не сыграли роковую роль в еще не начавшейся удивительной истории. Тоннели не были закопаны обратно только благодаря упорному сопротивлению и связям честолюбивого и деятельного мэра города и нескольких влиятельных ученых, среди которых было четыре академика и даже один лауреат Нобелевской премии.

Проект необычной транспортной системы был задуман группой молодых архитекторов, вторым поколением горожан, первым поколением созидателей. Проект родился неожиданно смелым, гармоничным и целесообразным для города. Каналы на четверть снова наполнили водой, было создано искусственное течение, пробиты в скале и обустроены помещения станций и построены лодки. Конечно, экономичнее перевозить пассажиров только силами двигателей на гондолах. Но сильное течение препятствует обрастанию стен

водорослями и делает воздух в тоннелях более свежим.

Лодки, или гондолы, являются предметом особой гордости горожан. Их длина немного превышает венецианский одиннадцатиметровый стандарт, они симметричны, в отличие от своих адриатических прототипов. Их пластиковый корпус светел и блестящ, как слоновая кость, в отличие от черных деревянных бортов классических гондол, и у них нет весел. Они достаточно просторны, чтобы с комфортом разместить на удобных диванах двадцать человек. Их ширина рассчитана таким образом, чтобы совершать нехитрые маневры в тоннелях, а между бортом и каменной стеной в случае необходимости беспрепятственно проходил медицинский или полицейский катер.

Известно, что итальянские гондольеры – закрытая, мужская каста, и они были бы глубоко уязвлены и даже шокированы, увидев девушек-рулевых на кормах лодок «Городского подземного транспортного Канала».

Если остановиться у входа в любую из станций и рассмотреть карту Канала, не зная его древнего происхождения, то рисунок тоннелей покажется неуместно декоративным для транспортной системы. Он напоминает огромный цветок лотоса с продолговатыми волнистыми лепестками, на которых сидят маленькие пчелы-станции.

Поскольку город небольшой, станций немного, меньше тридцати. Их расположение было продиктовано не столько целесообразностью на плане города, сколько наличием из-

вестковых слоев в массе гранита. Они похожи на станции метро мегаполисов, только гораздо скромнее в размерах. В отличие от обычных тоннелей метро, у всех станций Канала платформа открыта для посадки пассажиров только с одной стороны, и двигаться можно тоже только в одну сторону, что обусловлено течением. Это вовсе не является неудобством, поскольку на одном «лепестке» расположено только несколько станций, а движение по Каналу организовано по принципу спирографа: лодка проходит лепесток, пересекает центр, попадает в противоположный лепесток и так далее. Пересадка возможна только одна – в центре «цветка».

Там, на глубине чуть более двадцати метров под землей, расположено круглое Озеро с небольшим Островом посередине. Это единственное место Канала, доступное солнечному свету. Озеро покрывает дно каменной чаши гармоничной формы ста двадцати метров диаметром, с сильно нависающими краями, которые, после снижения уровня воды с двадцати до двух метров, пришлось укреплять мощными металлическими контрфорсами от самого дна.

По периметру Озера проложили широкую пешеходную галерею, от которой к острову перекинут изящный, под стать гондолам, мостик с бронзовыми перилами. Галерея проходит на высоте четырех метров над водой, под ней доисторическим гигантским «сверлом» насверлены уходящие вдаль тоннели, двенадцать круглых отверстий шестиметрового диаметра. Между двумя из них, недалеко от мостика,

к монолиту пристроен прямоугольник станции "Озеро", наверное, самой маленькой из станций Канала. Хитроумно организованное круговое течение позволяет выплывающим из тоннелей лодкам обогнуть Остров и свернуть в нужный им противоположный тоннель. В момент поворота рулевые девушки включают почти бесшумные электродвигатели, все остальное время гондолы влечет вперед течение Канала.

На Острове выстроена великолепной архитектуры часовня Всех Святых в византийском стиле. Золотой крест на голубом куполе со звездами высоко поднимается над стенками котлована, олицетворяя как для наблюдателей с нижней галереи, так и для «наземных» прохожих, победу Сил Света над тьмой.

В лабиринтах Канала есть место, удивительное не только для впервые посетивших его пассажиров, но и для девушек-рулевых, изо дня в день перевозящих мимо сотни людей. Это вырезанная из цельного куска камня «Голова» – огромный, почти пятиметровый барельеф лица с миндалевидными глазами, крупным носом и вытянутым черепом. По всей видимости, это изваяние не высечено из стены тоннеля, а спущено с поверхности через центральный котлован и неизвестным способом доставлено в эту часть тоннеля. Об этом говорит сильное отличие гладкой полировки сводов от грубой обработки каменной физиономии. «Голова» установлена в том месте, где тоннель вошел в обширную естественную полость в граните. Неведомая машина, прорезав-

шая тоннель, войдя в эту пещеру, получила отдых на пару десятков метров, и, ничуть не отклонившись от своей траектории, продолжила резать камень уже на другом ее конце. Внушительный барельеф опирается подбородком на ладонь с шестью короткими мощными пальцами, которая образует выступ примерно на метр выше поверхности воды. Почти все, кто хотя бы раз видел уникальный артефакт, говорят о странной энергетике этого места. Даже гондолы, проплывающие мимо, случается, сносит к противоположной стене, что заставляет краснеть симпатичных молоденьких рулевых под недовольными взглядами потревоженных пассажиров.

На той или иной стене Канала можно увидеть высеченные в граните тексты неизвестной письменности, которые давно стали основным приложением сил упорных ученых, не первый год бьющихся над их анализом.

Глава 3. Субботнее Озеро

На следующий день, в субботу, проснувшись довольно поздно, я решаю совершить небольшую прогулку по одному из немногих маршрутов, которые может предложить город. Погода, как обычно в этих местах, стоит сухая и солнечная, листья редких деревьев изо всех сил сопротивляются осеннему ветру. Я медленно прохожу через парк. Дворники с раннего утра размели дорожки от песка, нанесенного за ночь ветром, никогда не оставляющим своих забав. Вокруг много детей, собак и птиц. Теплый воздух закручивают в спирали проносящиеся ребятишки, тишина парка отеснена вдаль, к массивной ограде. Только поздно вечером она приползет обратно, на мозаичные дорожки и каменные скамьи.

Далеко впереди горит золото креста часовни. Наземная окружность котлована Озера забрана в ажурную бронзовую вязь перил. Это зеленоватое кружево многократно усиливает ощущение разрыва каменной тверди, которая словно расступается вокруг поднимающегося из глубины золотого сияния.

На площади, с невысокими двух и трехэтажными домами по периметру, играет оркестр. Пожилые музыканты, усевшись на ступеньках скромного памятника первооткрывателям Канала – знаменитому ослу и его хозяину, исполняют военный марш на потертых инструментах. Они приходят сю-

да каждые выходные, и неизвестно, кто получает большее удовольствие, дети, разглядывающие огромную медную трубу, заклеенный барабан и блестящие клапаны кларнета, или сами исполнители вальсов и маршей, перед которыми танцует восторженная малышня, и хлопают в ладоши веселые молодые парочки.

Немного посидев напротив оркестра и послушав вальс времен русско-японской войны, я подхожу к перилам, опоясывающим Озеро на уровне синего в звездах купола часовни. Почти вся огромная чаша котлована залита ярким светом, расчерченные массивными стальными колоннами стены, до которых не дотягивается осеннее солнце, подсвечены витражными светильниками.

Внизу, на нижней галерее, торговцы расставили свои яркие прилавки, и перед ними толпится беззаботный народ. Тут можно увидеть весь разложенный ассортимент выходного дня, сладкую вату и печеные каштаны, пирожки, пряники с глазурю, разнообразные поделки из можжевельника, кошельки, шелковые платки, даже котят и канареек. На перилах мостика сидят смеющиеся подростки, ближе к Острову, к часовне, их пестрые группы редеют.

Здесь, у величественных белых стен, на каменной ладони островка, суете словно не остается места. В часовне только что закончился молебен, и двое рослых монахов из далекого монастыря беседуют на степенях со стареньким священником. Немного поодаль женщина с малышом на руках и на-

рядной пяти– или шестилетней дочкой, ждет, когда можно будет подойти за благословением.

Когда я спускаюсь вниз и перехожу изогнутый мостик, площадка перед часовней уже пуста. Я сажусь на белую мраморную скамью и осматриваюсь: на островке я совсем один. Очень необычно ощущать себя в своеобразном коконе покоя посреди шумно отдыхающих горожан. Наверное, только здесь внимательный глаз видит наибольший контраст света и тени, залитых солнцем белоснежных стен и цветного полумрака окружающей Озеро галереи. Часовня словно парит над водой в нежной солнечной дымке, меня окутывает и околдовывает этот свет и это тепло.

Каждые несколько минут из какого-нибудь тоннеля выныривает очередная белая гондола, описывает полукруг под галереей, высаживает пассажиров на короткую платформу станции и скрывается в противоположном гранитном отверстии. Эта картина, виденная множество раз, всегда удивительна и не может наскучить. Флотилия изящнейших лодок, ежедневно скользящих по лепесткам Канала под толщей миллионов тонн камня и песка – чудо, которым восхищаешься снова и снова.

Пригретый ласковым солнцем, я погружаюсь в мечты, не дающие мне ни минуты покоя с тех пор, как я первый раз вошел в гондолу 112, как вдруг сильный шум моторов, быстро нарастающий с противоположной от станции стороны, заставляет меня подняться на ноги и подойти к перилам Ост-

рова. Многократное эхо гонится за ревом двигателей и быстро заполняет окружающее меня пространство. Из тоннеля на полном ходу вырывается маленький спортивный катерок с темными бортами, едва не врезавшись в Остров, резко поворачивает, окатив меня с ног до головы водой, и, чудом избежав столкновения с гондолой, исчезает в недостижимом для моего взгляда тоннеле за часовней. За ним, сильно отставая, вылетает блестящий полицейский катер с мигающим фонарем и, с большой осторожностью обогнув Остров, продолжает преследование.

– Уже посреди бела дня чудят, совсем совести у людей нет! – всплескивает руками выбежавшая на шум из часовни старушка. – Господи, да вы совсем мокрый! – восклицает она, рассмотрев жалкое состояние моего костюма.

– Ничего, тут солнце, как-нибудь просохну, – неуверенно отвечаю я, отжимая полы пиджака.

Старушка решительным шагом возвращается в часовню, с минуты ее нет, потом она снова показывается на ступенях входа:

– Ступайте-ка сюда, я вам дам, во что переодеться. Внук мой оставил, в семинарии учится, а здесь прислуживает. Ростом вот точно как вы будет, тоже высокий. Он вчера подрясничек тут свой сложил, я думала, зачем? А вот, надо же, пригодился! Хоть и нельзя недуховным лицам такое носить, ничего, не простудиться же вам теперь!

– Спасибо, конечно, но как я в таком виде по городу пой-

ду?

– А воспаление на ветру лучше, что ли, схватить? Переодевайтесь сейчас же!

Напор доброй старушки сильнее моего упрямства, тем более что я уже начинаю покрываться мурашками – вода в Канале всегда очень холодная. В укромном уголке я снимаю пиджак и брюки, и надеваю черный балахон старушкиного внука. С икон на стенах, кажется, укоризненно смотрят святые: «Не рановато ли тебе так облачаться?».

Сложив мокрую одежду в пакет, поблагодарив мою благодетельницу и помолившись своему святому перед большой храмовой иконой, я выхожу из часовни, намереваясь сесть на первую гондолу в сторону дома. У перил галереи несколько прохожих до сих пор оживленно обсуждают необычное происшествие. Я вижу, что из-за часовни к мостику с тихим урчанием подплывает полицейский катер, явно тот самый, что только что гнался за нарушителями субботнего спокойствия. Офицер, ловко выпрыгнув на подошву островка и держась за перила, спрашивает меня, могу ли я описать сидевших на темном катере людей.

– Кажется, он там был один. Не догнали?

– Да как будто испарились. Затонуть так быстро не могли. Да и глубины, вроде бы, недостаточно. Вообще, очень странно.

– Интересно, а где тут вообще можно спрятать катер?

– Ну, на станциях можно. На каждой есть места для кате-

ров. В доке вообще легко затеряться. Будем искать, проверим станции. Всего хорошего, – козырнул он и сделал шаг обратно, на свою выдавшуюся вида посудину со стершейся от частых соприкосновений с каменными стенами краской на бортах.

Я миную мостик, прохожу по галерее и вхожу на станцию. Я в городе сравнительно недавно, знакомых еще немного, но и они сильно удивятся, застав меня в таком виде. Вместе с другими пассажирами я вхожу на гондолу и с трудом втискиваюсь между внушительным мужчиной, своей необыкновенной тучностью напоминающего борца сумо в расцвете карьеры, и миловидной женщиной, увлеченной чтением бульварного романа. Погруженный в рассуждения о необычном происшествии, и уже проехав две станции, я поворачиваюсь к корме и в ужасе понимаю, что за рулем – ОНА, девушка с гондолы 112! Я откидываюсь к спинке дивана, пытаюсь оказаться в тени моего монументального соседа. На своей станции я поспешно прохожу на выход, по пути запутавшись в полах подрясника, и только благодаря придержавшему меня «борцу сумо», чудом не упав.

Что ОНА должна была подумать о молодом человеке, целым месяц изображающем ее поклонника с обожающим взглядом, а в результате оказавшемся монахом или, по меньшей мере, послушником? С такими невеселыми и очень навязчивыми рассуждениями, я возвращаюсь домой, в маленькую однокомнатную квартиру с неплохим видом на завод-

ские трубы.

Глава 4. Мнимый монах

К концу воскресенья свойственный молодости оптимизм побеждает дурное настроение, и вчерашний инцидент уже представлялся мне чем-то совсем незначительным.

В понедельник, рано утром, я уже жду на станции, когда же покажется средоточие всех моих мыслей и романтических чувств, девушка, улыбающаяся той загадочной улыбкой, которая одухотворяет меня и наполняет чудесной силой, как первый весенний ветер после затяжной серой зимы наполняет сердца птиц желанием петь.

Через десять минут, сидя, по обыкновению, рядом с ней, на корме и упиваясь коротким удовольствием смотреть на нее, я слышу следующие слова:

– Я и не подозревала, что вы монах.

«Ну вот, плохо я прятался за человека-скалу» – с досадой думаю я, взъерошивая волосы на затылке.

– Понимаете, это не совсем так...

– Скажите, а вы могли бы мне помочь в одном э-э-э, деле? У меня нет больше знакомых, так близких к Церкви.

– С радостью помогу вам во всем, но, видите ли, я не совсем...

Она громко объявляет:

– Станция «Драматический театр». Простите, вам не трудно было бы уделить мне немного времени сегодня вечером? Приходите в кафе «Сахара» к десяти, знаете, где это?

– На Весеннем проспекте?

– Да.

– Буду! За два, нет, за три часа займу столик!

– Вы как-то очень резвы для монаха!

В доказательство ее последней фразы, я стрелой срываюсь с места и выпрыгиваю на нужной мне станции в тот момент, когда служитель уже начинает закрывать дверки гондолы. «Что сказала бы старушка из часовни, если бы узнала, что я использую рясу ее внука, как маскарадный костюм для знакомства с девушкой, – размышляю я, чувствуя, что сердце мое ликует. – Но моего умысла тут нет, и если перефразировать философа Ларошфуко, которого я с особым пристрастием изучал в университете, какими бы преимуществами природа ни наделила человека, создать из него мнимого монаха она может, лишь призвав на помощь судьбу».

День на службе тянулся вдвое дольше обычного. Я работаю журналистом в официальной городской газете скромного тиража. Она такая маленькая, что временами, когда один из коллег заболевает или уезжает в отпуск, мне приходится быть или редактором, или корректором. Сегодня все, к счастью, на своих местах, и я заканчиваю серию обзоров недавно построенных станций Канала. К моменту открытия последней из них фантазия отцов города, по всей видимости, иссякла, и ее нарекли «Новая», не придумав ничего более оригинального. Мой близкий друг, архитектор Маркони, внук блестящего итальянского художника, эмигрировавшего

в Америку после прихода к власти Муссолини, устроил мне на днях любопытнейшую экскурсию. Мы обошли все самые потаенные закоулки этой станции, я фотографировал причудливые колонны в духе позднего Гауди и ячеистые кессонные своды, Маркони сопровождал каждый кадр пояснениями потомственного ценителя хорошего зодчества. Большой материал с десятками снимков в течение всего дня я тщетно пытаюсь вместить в полосу нашей миниатюрной газетенки.

Кафе «Сахара» находится довольно далеко от моей редакции, и я добираюсь туда на старом автобусе, унылом представителе безуспешно конкурирующей с Городским подземным Каналом транспортной системы. Его трясет и подбрасывает на асфальтовых буграх, проникающий внутрь запах подтекающего и дымящегося на раскаленном двигателе масла заставляет снова и снова пожалеть о выборе такого неудобного извозчика. У Третьей Песчаной я выхожу из заклинивающих раздвижных дверей и направляюсь в сторону проспекта.

Начинает темнеть, на лицах редких прохожих все ясней проступает решимость поскорее добраться домой, прибавив шагу. Медленно загораются уличные фонари, в стеклянных шарах высоко над головами сначала появляются маленькие сжавшиеся комочки света, силы которых не хватает даже на освещение своей полупрозрачной оболочки. Потом, немного потрепетав и набрав сил, они расправляются и разливаются по сфере фонаря, превращая плоский темный мир вокруг себя в объемный, словно забрызганный желтой свето-

вой пылью.

Где-то за час до назначенного времени я открываю двери кафе. «Сахара» помещается на первом этаже невзрачного кирпичного здания, яркая световая вывеска со словно пляшущими буквами выглядит чужой невысоким окнам верхних этажей. Я прохожу в приземистый зал, оформленный в колониальном стиле бушменскими масками и нарочито дикарскими рисунками. Фальшивая шкура крупной зебры натянута на бамбуковый подрамник и повешена на стену, под ней приличную часть помещения занимают большой кожаный диван и два кресла. Остальная мебель состоит из темных деревянных столов и стульев, которые в этот час заняты ужинающими, пьющими и курящими посетителями. Я прохожу в дальний угол кафе, сажусь за приглянувшийся столик и разворачиваю свежий номер журнала «Исторический вестник», в котором я иногда нахожу любопытные материалы.

Высокая официантка приносит мне кофе. Я неторопливо пролистываю журнал, и обнаруживаю статью, в которой автор анализирует эпос кавказских народов и героев этого эпоса – великанов нартов. Помимо свойств, общих для героев многих преданий, таких как огромный рост и сила, нарты обладают рядом заинтересовавших меня необычных достоинств. Например, они имеют по шести пальцев на руках и ногах. Я читаю об эпосе «Новр и Гожак», где детально рассказывается об их искусстве строить глубокие подземные ходы. Эти ходы обладали поразительной акустикой и тянулись на

десятки километров. «Вот и еще одни кандидаты в строители нашего Канала, правда, до Кавказа расстояние довольно изрядное», – думаю я.

Я так углубляюсь в чтение, что прихожу в себя, только услышав рядом голос, который мгновенно заставляет меня забыть об интересной статье и выронить журнал:

– Добрый вечер, вы заняли хороший столик!

Я вскакиваю на ноги и оказываюсь с Неёй лицом к лицу. Обычно веселые зеленовато-серые глаза смотрят немного настороженно, тонкие пальцы поправляют волнистые темные волосы.

– Меня зовут Лиана. Видите, больше никаких тайн! А как вас называть, святой отец или брат мой?

– До святого мне так же далеко, как до Млечного пути, а братом для вас мне хотелось бы быть меньше всего на свете. Давид, – представляюсь я, церемонно поклонившись. Сняв с плеч девушки тонкий вельветовый плащ, я вешаю его на рог антилопы, заменяющий в кафе вешалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.